

ОТЗЫВ

официального оппонента

кандидата исторических наук Филатова Георгия Андреевича

на диссертацию Антоненко Полины Сергеевны

«Трансформация исторической памяти в Испании в 1960-е – 1986 гг.»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по научной специальности 5.6.2. – Всеобщая история (исторические науки)

Диссертация П.С. Антоненко выполнена на чрезвычайно актуальную тему, связанную с исторической памятью. Вопросы прошлого играют огромную роль в политической жизни Испании: отношение к гражданской войне и франкистскому периоду вызывает раскол среди населения страны. Не менее важна проблема исторической памяти и для других государств, в том числе для России, где существует множество исторических вопросов, вызывающих ожесточенные споры не только среди профессионалов, но и в обществе в целом. Именно поэтому изучение того, как происходила трансформация исторической памяти в сложный для испанского общества период, представляет интерес для широких кругов.

Хотя вопросы исторической памяти в Испании привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей, обобщающих работ не так много, особенно в российской историографии. Поэтому данное исследование, действительно, вносит большой вклад в изучение Испании. П.С. Антоненко провела также важную работу по систематизации историографии, как отечественной, так и зарубежной, по проблеме исторической памяти в Испании.

Среди других достоинств исследования - использование различных методов, не только привычных историкам, но и методов других наук. Особенно хотелось бы обратить внимание - на лингвистический анализ официальных документов. Чрезвычайно интересным является анализ использования слов «монархия» и «королевство» во франкистских документах и выявление соответствующей связи с проблемами исторической памяти.

Необычным и оригинальным является рассмотрение доктрины Испанидад с точки зрения исторической памяти. Хотя эта доктрина довольно подробно изучена российскими и зарубежными исследователями, применение к ней методов изучения конструирования исторической памяти представляется новым и интересным подходом.

Достоинством работы является изучение того, как менялось отношение к религиозным праздникам в ходе перехода от диктатуры к демократии (с. 115). Чрезвычайно удачно противопоставлены официальный отказ от разбирательства в преступлениях времен гражданской войны и франкизма, выразившийся в «Пакте забвения», и общественное отношение к тем событиям, проявившееся в произведениях искусства (с.151).

Тем не менее в работе присутствуют и недостатки.

Основной проблемой диссертации является вопрос источников. В работе используются многочисленные законодательные акты, статьи из прессы, аудиовизуальные ресурсы, однако диссертации не хватает последовательности в использовании всех этих источников. Работу украсило бы последовательное рассмотрение одного-двух источников: газеты, сериала, фильмов, телевизионных выпусков, преамбул законодательных документов и т.д., которые выходили в свет на протяжении исследуемого хронологического периода и в которых отражалась историческая память. Это позволило бы зафиксировать происходившие изменения. Выбранный автором способ анализа отдельных событий, документов, явлений уязвим для критики. Если рассматривать отдельный закон или фильм, как это сделано в данной диссертации, возникает вопрос, насколько зафиксированное в данных источниках отношение к проблемам истории характерно для всего периода, для всего общества. Не является ли это отношение отдельно взятым случаем, связанным с личными мотивами или конкретными обстоятельствами?

Ярким примером уязвимости подобного подхода служит использование автором аудиовизуальных источников. В работе упоминается, что используется два художественных и один документальный фильм. К сожалению, неясно, почему выбраны именно эти картины. Могут ли они свидетельствовать о какой-то общей тенденции или отображают переживания и взгляды конкретного режиссера?

Помимо этих наиболее существенных недостатков, в работе присутствует и ряд более мелких недочетов.

В разделе «Методы и методология» автор подробно перечисляет инструментарий своего исследования, но неожиданно на с.31 возникает не упомянутый ранее лексико-семантический анализ. Его применение является несомненным достоинством работы, но в соответствующем разделе о нем следовало бы упомянуть.

В некоторых случаях не хватает ссылок на источник информации. Так, на с. 49 автор пишет, что в Испании после окончания Второй мировой войны стали меньше использовать титул «каудильо», но не приводит никаких данных на этот счет.

Ряд терминов автор не разъясняет. Например, на с. 8. - «социальная память», на с. 148 возникает термин «посттравма».

Вызывает вопросы и то, что автор на с. 151 относит 1974 г. к эпохе транзита. Такая интерпретация допустима, но требует объяснений, так как большинство специалистов считает, что переходный период в Испании начался со смертью Франко в конце 1975 г.

Выбиваются из ряда устоявшихся в российской науке и некоторые переводы. Так, «Органический закон» в работе называется «Внутренний закон государства» (с.57), а «Декрет об унификации» - «Постановление об унификации» (с.31). Авторские варианты перевода допустимы, но требуют объяснения, почему происходит отказ от уже принятых в науке.

На с. 22 автор называет No-Do «каналом», хотя сначала это была кинохроника (новости, которые показывали перед киносеансом), а после распространения телевидения – специальные документальные фильмы, которые транслировались по единственному до 1966 г. испанскому каналу TVE. Путаница с классификацией этого СМИ продолжается и на последующих страницах: так, на с. 36 No-Do уже именуется газетой.

Вызывают вопросы и некоторые словесные обороты. Например, «идея нужности монархического строя» (с.70).

Проблемой работы является порой недостаточная аргументированность тезисов, выдвигаемых авторов. Например, на с. 48 автор пишет: «В представлении народных масс образ каудильо ассоциировался с порядочностью, соблюдением традиций и строгим следованием религиозным ценностям в семейной жизни». Неясно, почему сделан такой вывод: соответствующий образ действительно стремились создать, о чем автор пишет, но вот примеров того, что население воспринимало Франко таким образом, приведено недостаточно.

Неясно, на основании чего на с. 55-56 автор утверждает, что «в памяти испанцев период монархии ассоциируется со стабильностью». И если это так, то это довольно интересно, так как монархический режим начала XX в. находился в постоянном политическом кризисе, о чем сообщается в том же абзаце.

Разъяснений требует утверждение на с. 100: «Безусловное наличие религиозного чувства, присущее испанцам, формирует идею о вере в человека и в его абсолютную свободу». Аргументов и доказательств того, что испанцам безусловно присуще религиозное чувство, не приводятся.

На с. 139 говорится, что пакт Ахуриа Энеа («Ахура Энеа» в авторской орфографии) о противостоянии баскскому терроризму влияет на историческую память. Далее объясняется суть этого документа, но примеров того, как он повлиял на формирование или изменение исторической памяти, нет.

На с. 141 декларируется, что стремление каталонцев к отделению является следствием региональной исторической памяти. Затем выдвигается абсолютно здравая гипотеза, которая связывает это с преследованиями в период франкизма. Но, к сожалению, не приводится никаких доказательств.

В работе также присутствуют не очень корректные утверждения. Рамиро де Маэсту автор относит к деятелям эпохи франкизма (с. 103), что можно делать с очень большой натяжкой. Он был убит в октябре 1936 г., поэтому даже если отсчитывать франкизм от начала гражданской войны, то есть от 18 июля 1936 г., то Рамиро де Маэсту прожил при нем всего лишь три месяца.

Вызывают вопросы некоторые обобщения. Неудачной представляется попытка на с. 120 обобщить региональную политику франкизма. Хотя репрессии в отношении регионалистов со стороны режима, безусловно, были, их степень зависела от времени и места. Так, самые жесткие репрессии

обрушились на провинции Гипускоа и Бискайю, в то время как провинции Алава и Наварра при франкизме сохранили экономическую автономию. Языковые ограничения коснулись в начале франкизма баскского и каталонского языка, однако уже в 1960-е гг. режим допускал публикации на каталонском языке, а в Наварре стали открываться частные школы, где преподавали баскский язык. Публикации на галисийском языке допускалась франкистской цензурой даже в самые тяжелые 1940-е гг.

Дискуссионной является обобщение того, как Франко «вошел в историографию» (с. 56). В интерпретации автора получается, что некоторым консенсусом среди историков стало его определение как «либерального диктатора», «ловкого тактика». Тем не менее довольно затруднительно говорить о едином мнении по поводу столь сложной фигуры. Об отсутствии единства мнений свидетельствует хотя бы то, что автор в тексте диссертации иногда определяет Франко как авторитарного, а иногда как тоталитарного правителя.

В работе также присутствуют спорные утверждения и аргументы. Довольно шатким является аргумент на с. 68: «Возвращение к истокам монархии говорит о том, что в восприятии испанского народа наличие монархии обеспечивает стабильность». Если бы возвращение монархии произошло в результате референдума, где население просили бы выбрать между монархией и республикой, этот аргумент имел бы все основания. Но установление монархии произошло по решению Франсиско Франко. На референдуме 1947 г. испанцы, в условиях диктатуры просто одобрили это решение.

Спорным является утверждение автора на с.91 о том, что омоложение элит после начала переходного периода означало «отсутствие связей с франкистским правительством». Значительная часть пусть и молодой элиты были выходцами из франкистской политической системы. Доказательством этого служат те самые люди, которых автор приводит в качестве примера: Хуан Карлос и Адольфо Суарес. Так, Хуан Карлос в период болезни Франко непродолжительное время возглавлял правительство, а Адольфо Суарес занимал в 1960-70-е гг. различные должности во франкистском государственном аппарате, в том числе в руководстве Движения.

Вызывает вопросы утверждение автора о нетипичности франкистского режима (с. 6), заключающейся в том, что модернизация франкизма произошла по инициативе самого каудильо. По мнению автора, это «является нетипичным желанием для представителя власти авторитарного режима». Но существует много примеров авторитарных режимов, стремящихся не к сохранению старого строя или порядка, а к модернизации, например, авторитарный режим Сталина, генерала Перона, Фиделя Кастро.

Довольно странным является утверждение (с. 90), что проправительственный Союз демократического центра и Коммунистическая партия Испании (КПИ) стали «главными объединяющими силами проведения и реализации демократического транзита». И хотя КПИ заняла на

выборах в парламент 1978 г. третье место, благодаря чему играла важную роль в политической жизни, представляется, что намного большую роль играла ИСРП, занявшая второе место.

Неоднозначным представляется утверждение (с.31), что именно «постановление об унификации» создало основу для построения авторитарного режима. Ведь всю полноту гражданской и военной власти на занятых националистами территориях Франко получил еще осенью 1936 г., за полгода до издания этого закона.

Дискуссионной является фраза, что «всеобщее признание» стало решающим фактором прихода к власти Франко во время гражданской войны с.32. Республиканская часть Испании, которая в 1936-1937 гг. составляла примерно половину страны, его не признавала, что явно не позволяет говорить о «всеобщем признании».

Спорным является тезис, что «Франко никогда не противостоял монархическим принципам устройства Испании» (с. 71), ведь, во-первых, Франко при своей жизни так и не передал власть королю, а во-вторых, даже формально объявил страну монархией лишь в 1947 г., о чем автор пишет в своей работе.

Спорным выглядит утверждение, что члены «Опус Деи» «преследовали экономические, а не политические цели, так как у организации не было официальных политических предпочтений» (с. 104). С одной стороны, если люди или организация не заявляют о чем-то, это не значит, что они этого не хотят. Стремление членов «Опус Деи» прийти к власти и удержать ее (важнейшие цели любой политики) хорошо изучены специалистами по истории Второго франкизма.

Неоднозначным является определение франкистской Испании как тоталитарного государства (с. 58), поскольку это определение является предметом длительной дискуссии среди историков. И если в первые годы после гражданской войны тоталитарные чарты, действительно, были, то в 1960-е гг. в связи с экономической либерализацией и развитием массового въездного туризма сложно говорить о тотальном контроле со стороны государства.

Отдельной проблемой являются неудачные формулировки, которые приводят к ошибочному восприятию мыслей автора. Так, на с. 52-53 автор пишет: «Преобразование Испании в демократическое общество было бы затруднительней без участия Франко». Такая формулировка создает ощущение, что Франко лично участвовал в переходном периоде. На с. 74 автор пишет: «Представили СДЦ, ИСРП, КПИ, бывшие адепты франкистского режима, еще не определившиеся в своих политических предпочтениях в новых реалиях, составляли непривычную, разношерстную модель политической жизни страны». Эту фразу можно понять так, что ИСРП и КПИ, которые находились в подполье и подвергались преследованиям в годы франкизма, были «адептами франкистского режима».

На с. 140-141 автор вводит читателя в заблуждение, когда пишет про парламентские выборы 1980 г. Может сложиться впечатление, что имеются в виду всеобщие выборы, хотя они проходили в 1979 и 1982 гг. Но из последующих предложений становится ясно, что автор, по всей видимости, пишет про выборы в региональный парламент Каталонии. Также неясно, почему победу на тех выборах «Конвергенции и Союза» автор интерпретирует как демонстрацию сепаратистских настроений, ведь этот блок не выдвигал сепаратистских лозунгов вплоть до начала 2010-х гг.

На с. 32. автор пишет: «После назначения Франко генералом во время колониальных войн в Марокко он был удостоен своего первого важного титула “генералисимус”» (орфография авторская). Создается ощущение, что он получил этот титул сразу во время или после Рифской войны, закончившейся в 1926 г., хотя этот титул он получил лишь во время гражданской войны.

Присутствуют в работе и досадные опечатки. Так, на с. 81 написано: «14 мая 1977 г. власть Хуана Карлоса стала полностью узаконенной в глазах испанского народа, когда правитель передал королевский титул своему сыну и преемнику Филиппу VI», хотя Хуан Карлос отрекся от престола в 2014 г. Одновременно из этой фразы следует довольно спорный вывод, что 39 лет правление Хуана Карлоса «в глазах испанского народа» было не вполне легитимным.

Иногда пунктуационные ошибки приводят к искажению смысла. Так, на с. 145 из-за пропущенной запятой глава КПИ С. Каррильо превратился в «соратника франкистского режима».

Диссертационное исследование П. С. Антоненко «Трансформация исторической памяти в Испании в 1960-е - 1986 гг.» соответствует требованиям п.п. 2.1. и 2.2. «Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Южный федеральный университет», а ее автор, Антоненко Полина Сергеевна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история.

Официальный оппонент:

Кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник

ФГБУН «Институт всеобщей истории Российской академии наук»

22 августа 2023 г.

Филатов Георгий Андреевич

Адрес: 119606, г. Москва, пр. Вернадского, 84

ФГБУН «Институт всеобщей истории Российской академии наук»

Телефон: +7 (916) 801 14 98

E-mail: georgefilatov@gmail.com

Филатова Г. А.

Синица